ВОЛЫНСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

21 Февраля № 6 1882 года.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

РАЗДУМІЕ ОТСТАЛАГО ЧЕЛОВѢКА.

ВЪ ТРИ ПЕРІОДА РЕВОЛЮЦІОННОЙ ПРОПАГАНДЫ ВЪ РОССІИ.

I ПЕРІОДЪ.

Москва. Ноябрь 1862 года.

Наконецъ, послѣ долгаго, грустнаго странствованія по чужимъ краямъ, я опять въ Москвѣ! И какъ отрадно душѣ послѣ тревогъ и опасеній, которыя лежали не камнемъ, а грудою камней, на сердцѣ въ недавно прошедшее лѣто, вдали отъ Россіи, и возбуждаемы были смутными, преувеличенными, но, къ несчастію, не совсѣмъ лживыми извѣстіями иностранныхъ газетъ. Слава Богу, я опять дома; вотъ опять блистаютъ на ясномъ зимнемъ небѣ безчисленныя главы церквей, развѣвается высоко и какъ то весело русскій флагъ надъ снѣжною кровлею дворца, около котораго кружится стая бѣлыхъ голубей.

«Народомъ полонъ Кремль великій,
Народомъ движется Москва,
И слышны радостные клики...»

Все такъ смотритъ празднично, мирно—и, рѣдкое у насъ явленіе: Царь съ Царицей и дѣтьми—въ древней

своей столицѣ; въ Москву перенесъ Онъ на время и оживленіе правительственнаго центра и оживленіе свѣтскихъ хлопотъ—и уличное оживленіе толпы народной: это внѣшнее проявленіе того внутренняго глубокаго сознанія простаго народа, какъ великъ и благодѣтеленъ совершившійся, или лучше сказать, еще совершающійся переворотъ въ его жизни.

Не нагляжусь, не нарадуюсь на все, что вижу, что слышу,—и протираю глаза, спрашиваю себя: «что же это было на святой Руси такъ недавно? тяжелый ли это былъ сонъ, приснившійся мнѣ на чужбинѣ?—или это было до того поверхностное броженіе, что стоило дунуть на эту пѣну, и она слетѣла?» Кажется, должно отвѣчать: «да»—и «нѣтъ». Многое только поверхностно,—много есть пустой, легкой пѣны; но есть много зла, лежащаго глубже. Потому, утѣшаясь тѣмъ, что зло еще не проникло во всю массу народа, мы этимъ утѣшеніемъ не должны успокоиваться до такой степени, чтобы позволить себѣ сложить руки, закрыть глаза, и предаться той мирной дремотѣ, которая такъ свойственна нашему лѣнивому характеру. Да! всѣ грустныя, и многія гнусныя явленія конца протекшаго года и весны нынѣшняго—принадлежатъ только меньшему классу людей, классу образованному; но вѣдь эти люди все-таки причисляются къ тому же русскому народу, къ тому же племени, къ тому же Государству; вѣдь эти люди собраны со всѣхъ концевъ Россіи, и если не они сами, то, по крайней мѣрѣ, ихъ отцы и матери изо всѣхъ сословій русскихъ. Уже ли могли они такъ переродиться, такъ отчаянно броситься во всевозможныя бредни, отжившія свой вѣкъ на западѣ, тогда какъ у насъ хватаются за нихъ такъ дѣтски наивно? Можемъ ли мы быть увѣрены, что то же самое перерожденіе не сбудется никогда и съ массою простаго народа? Что̀ оторвало образованный классъ отъ остальной Россіи? Что̀ отняло у него одно изъ лучшихъ свойствъ русской натуры: здравый смыслъ? Что̀ произвело тотъ умственный чадъ, въ которомъ угорѣло до безсмыслія молодое

наше поколѣніе? Что, если не ложное направленіе нашего воспитанія? не ученіе, не ученость, не наука, а самое воспитаніе? И если предположимъ, что подобное лжеученіе будетъ распространяться по всѣмъ слоямъ народа, то какое право имѣемъ полагать, что простой народъ устоитъ противъ соблазна, что у него голова не закружится, что онъ не испортится, какъ испортились во второмъ или третьемъ поколѣніи почти всѣ вышедшіе изъ его среды,—испортились люди даже замѣчательныхъ способностей? Посмотрите не только на лица, вышедшія изъ простаго народа, посмотрите даже на этихъ крестьянъ и столичныхъ работниковъ: они уже не перекрестятся, проходя мимо церкви, содержатъ уже незаконную сожительницу въ городѣ, и не высылаютъ женѣ въ деревню ни копѣйки на прокормленіе дѣтей. Они сидятъ по трактирамъ, читаютъ «Сѣверную Пчелу» и фельетоны про Излера, или другія увеселительныя гулянья, и доходятъ до того, что постигаютъ, или, по крайней мѣрѣ, повторяютъ заданный имъ урокъ, по которому поджёгъ—можетъ быть доброе дѣло, если цѣль, дескать, полезна;—примѣняя, какъ любой космополитъ, іезуитское правило къ жизни. Развѣ не видите тутъ зародыша того бѣдственнаго развитія, которое ожидаетъ весь русскій народъ, если его поведутъ по той стезѣ, по которой западники—не повели, а сбили съ толку образованное наше общество? И не только въ двухъ нашихъ столицахъ часть рабочаго класса уже начинаетъ присвоивать себѣ всѣ мелкіе пороки и тупое безвѣріе образованнаго общества, но, какбы въ доказательство истины нашихъ словъ, и за границею былъ недавно образецъ испорченнаго русскаго простолюдина. Въ Парижѣ кидается все модное высшее общество, въ Парижъ отправился и молодой крестьянинъ (Государственныхъ имуществъ); разъѣзжалъ верхомъ по bois de Boulogne, одѣвался въ какое-то смѣшанное русское съ французскимъ платье, курилъ и хулу говорилъ, наслаждался и проживался, и наконецъ попалъ въ Clichy, или, какъ онъ говорилъ, въ клещи, откуда писалъ, прося

денегъ на уплату долговъ! Нѣтъ! ошибаются тѣ, которые преклоняются предъ какимъ-то идеальнымъ совершенствомъ русскаго простаго человѣка. Русская натура точно богато одарена, но, какъ всякая человѣческая натура, она полна недостатковъ и слабостей. Не предъ человѣкомъ съ его человѣческими пороками, должно намъ преклоняться, а предъ вѣрою православною, которая спасла и спасетъ насъ, пока мы ей не измѣняемъ. Наша исторія такъ сложилась, что православный и русскій имѣетъ для насъ одно значеніе; что, отказавшись отъ православія, русскій отказывается отъ Россіи; что люди самые запоздалые, самые ревностные защитники крѣпостнаго права, бываютъ однако ближе гораздо и сродственнѣе съ простымъ народомъ, чѣмъ самые просвѣщенные филантропы, самые искренніе поклонники идеальнаго русскаго мужика. Православіе — это и есть отличительная черта русскаго; это отпечатокъ на насъ, нашей исторіи, это вѣками вошедшее въ нашу плоть и кровь живительное, живучее начало;—это естественное неразбитое звено, соединяющее всѣ классы между собою;—и, уклоняясь отъ православія, или смотря на него съ равнодушіемъ нехристіанъ, мы готовимъ послѣдній, окончательный разрывъ съ настоящею Россіею, отказываемся навсегда отъ своеобразности народной—изчезаемъ въ какомъ-то хаотическомъ эклектизмѣ, теряемъ всякую надежду на будущее вліяніе, на историческое призваніе наше между человѣками. Эти мысли не въ первый разъ пришли мнѣ на умъ. Въ такихъ почти словахъ шелъ у насъ разговоръ въ Парижѣ, у русскаго Священника, послѣ всенощной наканунѣ Успенія. Среди шума и городской суеты, мы, у парижскаго своего пастыря, находились какбы въ тихомъ пристанищѣ, какбы перенесены были магическимъ жезломъ въ отдаленный русскій городокъ. Передъ окнами —вновь разведенный на дворѣ садикъ, а въ саду возвышается куполъ и пять главъ поднимаютъ кресты свои къ прозрачному небу, тихо сіяя среди ночи. Съ утѣшеніемъ смотрѣлъ я на эту родную картину; но при этомъ

видѣ, тоска по отчизнѣ все болѣе и болѣе усиливалась. Я вспомнилъ канунъ Успенія прошлаго года въ Москвѣ.

Какъ хорошъ былъ этотъ вечеръ въ Кремлѣ! Еще прежде захожденія солнца, тучи начали собираться, темныя багровыя, грозныя; во время всенощной началась гроза и беспрестанныя молніи, которыя сквозь окна блистали внутри церкви, а раскаты грома сливались съ пѣніемъ молитвъ. Отслушавъ всенощную въ приходѣ, мы поѣхали въ Кремль; погода настала уже тихая, теплая, ни одной капли дождя,—но все небо обложено сплошной массой черныхъ тучь. Кругомъ глубокій мракъ,—только Кремль, на этомъ черномъ фонѣ, сіялъ какъ въ полдень, яркимъ свѣтомъ отъ иллюминованнаго Ивана великаго. Не могу выразить дивную красоту этой картины! Этотъ тихій, мирный свѣтъ, среди общаго мрака, сіялъ утѣшительно, и сердцу русскому ясно видѣлось, что тутъ, въ святынѣ вѣры, въ воспоминаніи о тяжкихъ испытаніяхъ, вынесенныхъ съ спокойнымъ упованіемъ, но въ постоянной борьбѣ противъ зла, что тутъ, и тутъ только, въ сліяніи молитвъ всего народа, въ сліяніи всѣхъ силъ народныхъ, должны мы искать спасенія среди мрака и бури современной;—что тутъ только могутъ быть поданы намъ помощь и исцѣленіе, отъ Того, въ чьей рукѣ

И блескъ побѣдъ и счастье мира,
И огнь любви и свѣтъ умовъ!

А этотъ живительный огнь, этотъ спасительный свѣтъ —какъ они оскудѣли въ насъ! Въ такихъ размышленіяхъ, пріѣхали мы на площадь. Уже въ двухъ соборахъ кончилась всенощная; народъ съ площади почти весь разошелся отъ грозы, только въ Успенскомъ соборѣ раздавалось пѣніе и, сквозь рѣшетки дверей, видно было, какъ горѣлъ онъ свѣтомъ паникадилъ, какъ усердно молилась въ немъ толпа народа; а между тѣмъ мгновенно освѣтилась молніею великолѣпная картина Замоскворѣчья, выходя на одну секунду, какъ призракъ, изъ густой темноты. Мы остановились у открытыхъ дверей (западныхъ) собора. Что за чудесное сліяніе земнаго съ небеснымъ

въ невыразимой красотѣ звуковъ и картинъ! Молніи, раскаты грома, пѣніе, гулъ колоколовъ, яркое освѣщеніе внутри церкви, и не менѣе яркое освѣщеніе праздничное снаружи; а кругомъ непроницаемая, черная мгла.

Не то ли самое повторяется и въ нравственной жизни Россіи? Глубокій мракъ безвѣрія, грозныя тучи лжеученія, зарево пожара, и другія безумныя вспышки. А среди всего этого смущенія—все великое множество молящихся по всей Россіи, отъ Соловецкаго монастыря до кочующей Алтайской миссіи, во всѣхъ концахъ ея, во всѣхъ сословіяхъ, отъ трона до хижины, иъ терпѣніи, въ умиленіи, въ любви, въ той любви, которая все терпитъ, все прощаетъ и одна пребываетъ во вѣки. Въ этой повсемѣстной ежедневной молитвѣ святыхъ душъ, невѣдомыхъ гордымъ дѣятелямъ свѣтскимъ,—вся будущность, все спасеніе Россіи. И этотъ единственно народный элементъ у насъ (потому что имъ пропитана вся наша народность)—нашу Церковь, должны мы охранять съ ревностною любовью, особенно въ наиважнѣйшемъ изъ всѣхъ современныхъ дѣлъ,—въ дѣлѣ воспитанія дѣтей нашихъ. Закрыли недавно возникшія воскресныя школы,—и какимъ образомъ ни относились бы къ этой мѣрѣ, что ни говорили бы въ одобреніе, или порицаніе ея, мы можемъ изъ ней извлечь, по крайней мѣрѣ, одно доброе заключеніе,—что такого важнаго дѣла не слѣдуетъ начинать столь поверхностно, столь легкомысленно, безъ всякаго разбору, безъ всякаго приготовленія, шутя и увлекаяся только какимъ-то повѣтріемъ моды.

Одинъ ученый англичанинъ говорилъ мнѣ, что онъ нигдѣ, кромѣ исторіи ветхаго завѣта, не нашелъ такого видимаго, и самимъ народомъ сознаннаго, прямаго управленія Промысла въ его историческихъ судьбахъ, какъ въ бытописаніи русскаго народа. Общенародное грѣховное состояніе, и за нимъ—ужасающая кара небесная, принятая съ полнымъ сознаніемъ, съ раскаяніемъ, съ покорностію и съ упованіемъ, которое укрѣпляетъ въ терпѣливой борьбѣ и наконецъ возводитъ изъ тли. Новое

паденіе, новая кара,—опять покорное раскаяніе и терпѣливая, постоянная борьба возвращаетъ величіе и силу;—«блажени кротцыи, яко тіи наслѣдятъ землю». Но этотъ духъ кротости, безъ трусости и малодушія, даетъ только одна вѣра; безъ нея гордость человѣческая непремѣнно беретъ верхъ и, какъ говорилъ мой англичанинъ, разница между нашей исторіей и исторіей другихъ народовъ европейскихъ состоитъ въ томъ, что мы, *какъ народъ*, донынѣ ясно сознавали, что за грѣхи наши караетъ насъ Господь, что въ смиреніи есть таинственная сила, и что донынѣ, во всѣхъ кризисахъ нашей народной жизни, защита вѣры была первой, главной нашей задачей. Не такъ смотрятъ на насъ иностранцы вообще, и особенно иностранцы русскіе, которые или презираютъ и хулятъ нашъ народъ, или идеализируютъ и льстятъ ему. Тѣ и другіе движутся духомъ гордости, который погубитъ насъ, если мы отворимъ ему двери нашихъ сердецъ и нашихъ школъ.

Любовь искренняя и теплая къ народу русскому и къ русской старинѣ не должна переходить въ поклоненіе всему, что національно, въ слѣпое умиленіе передъ всѣми, даже ложными воззрѣніями народа. «Не сотвори себѣ кумира» относится также точно къ цѣлому народу, какъ относится къ отдѣльному лицу, и ту истину, что «мы всѣ грѣшные люди» надобно говорить и чувствовать всѣмъ христіанамъ; и тѣ изъ насъ, которые довольно счастливы, чтобы видѣть бревно въ собственномъ глазѣ, не должны однако увѣрять ближняго, что у него и сучка нѣтъ. Это также лесть, и, какъ всякая лесть, одинаково вредитъ говорящему и слушающему. Конечно, иная лесть не разсчетъ, а пристрастіе, не лесть царедворца, а лесть любовника,—но та и другая все-таки ложь. Конечно, она безвредна, пока простой народъ еще не умѣетъ читать. Но пора бы тѣмъ органамъ литературы, которыхъ направленіе искренне и чисто, принять тонъ болѣе безпристрастный; имъ нужно откинуть преувеличенія, откинуть все, что казалось бы искательствомъ, будь оно искатель-

*

ствомъ передъ читателями, или передъ народомъ. Только что сталъ выходить журналъ «Общее Вѣче». Либералы наши рѣшительно не знаютъ, что дѣлать, кидаются во всѣ стороны, и, смущенные неожиданно благополучнымъ ходомъ крестьянскаго дѣла, и народнымъ спокойнымъ сопротивленіемъ безобразнымъ попыткамъ возмущенія, ищутъ теперь новаго пути, и льстятъ народу, стараясь еще болѣе спутывать и помрачать фальшивыя воззрѣнія, укоренившіеся у него отъ неправильнаго хода его развитія. Наши лондонскіе агитаторы этими маневрами метятъ вдругъ въ нѣсколько цѣлей. Они надѣются поддѣлаться къ массѣ народа. Они бросаютъ пыль въ глаза славянъ, выдавая себя за представителей національности русской. Они, наконецъ, вводятъ русское правительство въ сомнѣніе относительно того направленія Московскихъ славянофиловъ, которое всего болѣе держится коренныхъ русскихъ—религіозныхъ и монархическихъ началъ, держится безъ ханжества и безъ угодливости;—того направленія, котораго будущую силу агитаторы чуютъ, и по тому самому стараются всячески заподозрить его и навлечь на него всякаго рода стѣсненія и раздражительныя мѣры. Эта тактика отчасти удается; и за границей, гдѣ полная свобода слова доходитъ между русскими до несносной болтовни, вся эта запутанность понятій, весь этотъ умственный хаосъ въ тысячу разъ болѣе ощутителенъ, нежели здѣсь. Изъ этаго хаоса сотворить умственный правильный миръ, т. е. воцарить въ немъ опять здравый смыслъ, разогнать всѣ чудовищные призраки, которыхъ разгулъ смущаетъ наше поколѣніе, можно только тѣмъ божественнымъ свѣтомъ, который нѣкогда озарилъ нашъ міръ творческимъ словомъ Отца, тѣмъ свѣтомъ, котораго мы не видимъ единственно потому, что добровольно закрываемъ глаза. Внѣ Церкви и ея ученія, никакіе обычаи, никакія привычки, никакія воззрѣнія народныя не возвратятъ насъ къ единству и цѣльности, которыхъ мы ищемъ. У насъ просвѣщеніе началось другимъ путемъ, чѣмъ въ западной и южной Европѣ. Язы-

ческая гражданственность на насъ не имѣла никакого вліянія. Мы прямо отъ дикаго варварства полукочующихъ племенъ перешли къ крещенію, въ христіанскую Церковь, и наши первыя книги, еще до св. Владиміра, были книги священныя—Кирилла и Меѳодія, наша азбука была создана нарочно для перевода Евангелія, для насъ свѣтъ вѣры и свѣтъ ученія пришли въ одно и то же время. Они должны оставаться неразрывно связанными, если мы точно хотимъ сохранить особенности нашей народной физіономіи. Ни синій кафтанъ, ни слова: «земство или бюрократія», ничто внѣшнее не возвратитъ нашему образованному классу и не сохранитъ народу своеобразную его физіономію, его національность; сохранитъ ее только то всепроницающее начало истинной Христовой вѣры, которую хранитъ вселенская православная Церковь. Да сохранимъ мы всѣ и каждый эту живительную вѣру и въ сердцахъ и въ дѣйствіяхъ нашихъ, да поставимъ ее основаніемъ всей нашей жизни, и особенно воспитанія народнаго, и безъ всякихъ усилій, безъ всякихъ фразъ, безъ всякаго обезъянства въ нарядахъ или выраженіяхъ, мы естественно, незамѣтнымъ образомъ, воротимся ко всему, что было хорошо въ старинѣ, свяжемся тѣсно и любовно со всею массою народа, и будемъ едины, какъ Единъ Богъ! Всѣ другіе пути—проселки, которые конечно выведутъ насъ на ту же прямую дорогу, только, странствуя по нимъ, можно сломить себѣ ногу или руку и придти къ цѣли калѣкой.

II ПЕРІОДЪ.

Москва. 25 Мая 1879 года.

„Quand on connait peu les hommes, il est pardonable de les aimer et de les admirer. Quand on les connait mieux, il est naturel de les haïr et de les mépriser. Quand on les connait parfaitement, il est juste d'éprouver pour eux une vive compassion et une immense miséricode“ (*).

Эти слова въ началѣ такія рѣзкія кончаются однако любвеобильной христіанской оцѣнкой того впечатлѣнія, которое, на старости лѣтъ, выноситъ истинный христіанинъ изъ долгихъ столкновеній съ людьми, кажущимися намъ въ молодости столь привлекательными, потомъ возмущающими до глубины души всякаго честнаго человѣка среднихъ лѣтъ своими безчисленными безобразіями и внушающими наконецъ полупрезрительное, полублагодушное снисхожденіе къ нимъ, когда опытъ и страданія жизни убѣждаютъ христіанина, на старости лѣтъ, смотрѣть на нихъ съ жалостью и даже любовью, которыя выражаются въ простонародномъ названіи «несчастный», присвоенномъ у насъ осужденному и обезоруженному злодѣю.

Нынѣшняя годовщина мерзскаго покушенія Березовскаго въ Парижѣ и воспоминаніе о бывшемъ за годъ предъ тѣмъ не менѣе злодѣйскаго преступленія Каракозова,—все это темное и страшное, соединенное съ современнымъ злодѣйствомъ Соловьева, тяжело гнететъ душу и спрашиваешь себя «что это за молодежь, которая не ищетъ себѣ другаго идеала, другой цѣли, какъ убійство изъ за угла, дабы привести къ новымъ порядкамъ, въ которыхъ блаженство состоитъ въ однихъ животныхъ наслажденіяхъ, въ одномъ матеріальномъ счастіи, въ развитіи самодѣятельности, для усовершенствованія всего,

(*) По русски: «Когда людей знаютъ мало, то простительно ихъ любить и имъ удивляться. Когда ихъ узнаютъ лучше, то естественно ихъ ненавидѣть и презирать. Когда ихъ узнаютъ въ совершенствѣ, то справедливо питать къ нимъ живое сочувствіе и чрезвычайное сострадание».

что можетъ служить удовлетворенiемъ чувственности въ человѣкѣ?!»..... И еще бы только ставили себѣ цѣлью въ будущемъ для всего человѣчества общее поголовное *самоугожденіе*,—но вибираютъ, для своихъ худшихъ преступленій, дни радости, покоя и примиренія, столь дорогіе русскому человѣку и особенно благословенные Христовою Церковію, доказывая свою ненависть, свою вражду, свою безумную злобу противъ Христіанской вѣры, объявляя открытую старую войну, подъ новою личиною, Князя Міра сего, будь имя ему Сатана или Ваалъ, или Маммонъ,—или ближе всего къ нашему настроенію,—Іуліанъ Отступникъ.

Первое покушеніе на цареубійство было на Ѳоминой недѣлѣ и движеніе естественное, почти машинальное, человѣка неожиданно случившагося возлѣ преступника, по Божію Промыслу, отвратило ударъ. Второе покушеніе было въ чужой странѣ и опять машинальное движеніе впередъ верховаго, подлѣ дверецъ повозки, подставило голову лошади между пулей и Государемъ, въ день празднованія Вознесенію Господню. Наконецъ въ нынѣшній разъ, злодѣйское покушеніе было въ самый Свѣтлый Праздникъ, въ Понедѣльникъ на Святой между Воскресною вечернею перваго дня, и обѣдней втораго дня, Праздниковъ Праздника, который нигдѣ такъ радостно и торжественно не празднуется, какъ у насъ на Руси, гдѣ въ сердцѣ каждаго крещенаго человѣка поется

«Побѣды пѣснь, пѣснь конченнаго плѣна,
побѣды Спасителя надъ смертью и адомъ».

И опять Господь являетъ силу и благодать Свою, являетъ такъ открыто и чудесно, что, можно сказать, срываетъ завѣсу съ сокровеннаго дѣйствія творчества и Промысла Своего, и мы видимъ прямое Его заступленіе безъ посредства тѣхъ двигателей и случайностей, которые обыкновенно бываютъ орудіями Провидѣнія. Преступникъ *одинъ*, лицемъ къ лицу съ Государемъ, стрѣляетъ въ упоръ; одна пуля пробиваетъ штукатурку на стѣнѣ, у которой шелъ Государь, другая задѣваетъ Его пальто,

—еще третья и четвертая выстрѣлены со всею быстротою нынѣшней стрѣльбы.

Кто же отвратилъ неминуемую гибель?

Какая случайность помѣшала убійцѣ?

Какъ Іуліанъ Отступникъ, падая въ сраженіи, убійца, схваченный полиціей и народомъ, убійца, на котораго и сильнѣйшій ядъ имъ принятый, не подѣйствовалъ, могъ бы воскликнуть: «Богъ Христіанъ, Ты побѣдилъ!» *).

И, можетъ быть, слова эти тайно прозвучали въ душѣ его,—можетъ быть Воскресшій Искупитель отверзъ ослѣпленныя очи его сердца,—можетъ быть обратится онъ, какъ нѣкогда разбойникъ на Крестѣ и пойметъ всю глубину той бездны, въ которую бросился онъ стремглавъ *), онъ и столько молодыхъ учениковъ новаго язычества нашего столѣтія—язычества даже безъ прикрасъ поэзіи древней миѳологіи.

Но не намъ проникать, съ нашими догадками, даже самыми благонамѣренными, въ глубину сердца преступника, доискиваясь до таинственнаго дѣйствія въ немъ Божества.

Обратимъ лучше вниманіе на общее нравственное,—или вѣрнѣе—безнравственное положеніе той среды, въ которой гибнетъ наша молодежь и спросимъ съ искренностью и строгостью, съ которой вопрошаемъ свою совѣсть передъ исповѣдью: «Кто виноватъ?»

«Не говорите, то чужое,
То грѣхъ не нашъ . . . .
Нѣтъ, этотъ грѣхъ онъ вѣчно съ нами,
Онъ въ насъ, онъ въ жилахъ и крови,
Онъ сросся съ нашими сердцами,
Сердцами мертвыми къ любви.—
Покаемся-же, къ небу длани
За всѣ грѣхи . . . .
. . . . и наконецъ

*) Говорили, что Соловьевъ разкаявался въ тюрьмѣ,—однако потомъ онъ не хотѣлъ причаститься.

За то, что полные томленья,
Въ слѣпой терзаемы тоскѣ,
Пошли просить мы исцѣленья
Не у Того, — въ Его-жъ рукѣ
И блескъ побѣдъ, и счастье мира,
И огнь любви, и свѣтъ умовъ,
Но у бездушнаго кумира,
У мертвыхъ и слѣпыхъ боговъ!
И, обуявъ въ чаду гордыни,
Хмѣльные мудростью земной,
Мы отреклись отъ всей святыни,
Отъ сердца стороны родной!»

Да! мало по малу въ малодушномъ обезьянствѣ *мы втянулись* во всѣ воззрѣнія, всѣ умствованія, всѣ привычки, вѣрованія, и безвѣріе запада до того, что даже лучшіе Христіане очень недавно въ Петербургѣ сдѣлали новое *открытіе:* узнали, что есть Евангеліе, апостольское ученіе, даже, кажется, десять заповѣдей; и это открытіе послѣдовало на англійскомъ языкѣ. Отчего же мы удивляемся, что наша учащаяся молодежь, очень молодая и слишкомъ далеко стоящая отъ англійскаго fashennablé-наго свѣта, почерпала свои понятія въ нѣмецкой философіи и у англо-французскихъ соціальныхъ вожаковъ? Кто далъ примѣръ? Что̀ мы всѣ, благонамѣренные и добродѣтельные люди, дѣлали все это время?

Первѣе всего мы осмѣяли наше духовенство, мы раскритиковали наши священные обряды, отказались отъ всѣхъ стѣсненій, положенныхъ на насъ нашею Церковью, уничтожили семью, черезъ самостоятельный трудъ всѣхъ членовъ ея, выходящихъ изъ домовъ отцовскихъ, всѣхъ слоевъ общества, на *сторонніе заработки;* а теперь мечтаемъ о гражданскомъ бракѣ, о дозволеніи не крестить дѣтей; уже разводы разрѣшаются на каждомъ шагу, почти даже безъ предлога. Самое вступленіе въ брачную жизнь сдѣлалось что̀-то въ родѣ прогулки на тройкахъ въ «Красный Кабачекъ», куда, бывало, на масляной, ѣзжали на блины.

Прежде молодая дѣвушка предъ вѣнцемъ говѣла, наканунѣ прощалась съ подругами ея дѣвичьей жизни, слушала наставленіе матери и съ женихомъ невидалась въ этотъ день, весь отданный на приготовленіе къ таинству брака, на сборы къ перевозкѣ приданаго, которое окроплялось святою водою и укладывалось послѣ молебна. Будущій свой домъ или помѣщеніе она не видала, а знала только по разказамъ и по предположеніямъ, по совѣщаніямъ съ родителями и близкими лицами, какъ желалось отдѣлать жилье свое. И вотъ, послѣ вѣнчанія, молодой супругъ, уже съ *своими* родными, встрѣчаетъ ее и ея родныхъ съ хлѣбомъ и солью и вводитъ ее въ свой домъ, который теперь ея, и передаетъ *ей хозяйство*, т. е. заботу и радость этаго скромнаго владѣнія, этаго женскаго царства, гдѣ она будетъ приносить съ собою порядокъ, чистоту, изящество, довольство, гдѣ она должна думать, какъ все устраивать ежедневно, для спокойствія, отдыха, развлеченія мужа, или утѣшенія его въ печали, ухода за нимъ въ болѣзни, поощренія его въ трудѣ; и не только должна заботиться объ немъ, но и о всѣхъ составляющихъ ихъ домъ, до послѣднихъ *домочадцевъ*, какъ по русски и по итальянски (la famiglia) назывались служители. Она должна *искать* (хотя и не заискивать) въ его семьѣ и должна стараться, чтобы было у нея пріятно его друзьямъ и товарищамъ, и они бы любили бывать у ней—слѣдовательно и онъ будетъ домосѣдомъ.

Такъ начиналась еще въ половинѣ текущаго столѣтія брачная жизнь для образованныхъ людей; такъ *молодая* училась управлять своимъ маленькимъ царствомъ и готовилась къ будущимъ заботамъ, когда умножится семья. Конечно, были скучные свадебные визиты, но и тутъ было отрадное чувство, чувство какой то стыдливой гордости, что любимый человѣкъ ее избралъ, что онъ ее вводитъ въ свой родной кругъ, и что она съ своей стороны знакомитъ его съ людьми ею любимыми и уважаемыми, которые оцѣнятъ и полюбятъ его.

Во всемъ этомъ было много *серьезнаго*, много и скучнаго, но съ перваго же шага понималась *важность* этой новой жизни, обязанность и отвѣтственность передъ Богомъ и предъ мужемъ, предъ своей и его семьей. Разумѣется, у многихъ это первое впечатлѣніе изглаживалось, улетучивалось. Но все же хозяйство и домъ занимали даже свѣтскихъ женщинъ и имъ не приходилось завидывать занятіямъ, стараться отбивать занятія мужскія, у мущинъ. Нынѣ же не даютъ времени опомниться молодой; стаканъ шампанскаго, переодѣваніе, разрывъ со всѣмъ прошедшимъ, и скорѣй въ толкотню, грязь, табачный и угольный дымъ желѣзной дороги, съ изношенной мебелью вагонъ, при свистѣ паровой машины и провѣрки билетовъ кондукторомъ. Это первыя сутки новой жизни, это, приготовленіе къ основанію семьи; и на второй и третій продолжается это приготовленіе къ семейной жизни въ номерахъ гостинницъ, въ бѣготнѣ по чужимъ городамъ, безъ дѣла, безъ хозяйства, безъ своего очага, и въ этомъ праздношатаніи проходятъ недѣли и мѣсяцы!

А въ среднемъ сословіи теперь начинаютъ совсѣмъ не заводиться хозяйствомъ, а жить кое-какъ en garçon, ходя, какъ два добрые товарища, вмѣстѣ или порознь въ кухмистерскую къ общему столу, или посылаютъ въ кухмистерскую за порціей на домъ. Если же дѣти родятся, ихъ какъ нибудь прокормятъ по необходимости первые года, а потомъ давай ихъ сбывать въ какое либо училище, если можно, на казенный счетъ, чтобъ избавиться отъ расходовъ; а нельзя, хоть приходящими ихъ посылаютъ,—по крайней мѣрѣ избавляются отъ нихъ на бóльшую часть дня. Въ богатыхъ же семьяхъ, другое дѣло; —они въ дѣтствѣ сданы на руки няньки иностранки, а потомъ гувернантки, но въ назначенные часы они вызываются къ матери и составляютъ около ея и при ея гостяхъ, нѣчто въ родѣ атрибутовъ ея красоты, или ея граціи; тутъ дѣти наслушиваются чудныхъ взглядовъ, непонятныхъ вполнѣ для нихъ, но о которыхъ они однако дѣлаютъ свои соображенія.

По крайней мѣрѣ, когда приходили дѣти къ матери, только въ то̀ время, когда она была одна, или между очень близкими родными, дѣти зависѣли всецѣло отъ гувернантки, конечно,—но *свѣтскій* элементъ не *успѣвалъ овладѣвать* ими и для нихъ семья, съ ея разными отраслями, составляла особый, единственный знакомый міръ.

Теперь они эмансипированы; но все-таки они крещеные, ихъ, по крайней мѣрѣ въ большіе праздники причащаютъ.

Какое это *византійство!* Какой фанатизмъ! Вѣдь не причащаютъ же дѣтей въ Латинской и Протестантской церквахъ. Зачѣмъ же мы сохраняемъ эти предразсудки! Не говоримъ о направленіи воспитанія, даже дѣвушекъ, къ матеріальнымъ цѣлямъ исключительно; о вѣчной мысли приложенія своего воспитанія къ матеріальной цѣли, къ самостоятельному труду, на доставаніе себѣ куска хлѣба, къ *избавленію родителей* отъ попеченія объ Васъ, въ среднихъ классахъ общества; а въ высшемъ къ стремленію *избавитися* отъ опеки родителей, мечтать о самостоятельной не опредѣленной *дѣятельности*, съ полнѣйшимъ невниманіемъ къ *обязательной дѣятельности* каждой женщины, т. е. заботы о родителяхъ, о братьяхъ и сестрахъ, всего, что̀ составляетъ первый долгъ послѣ Бога всякой женщины-христіанки. Всякій кажется знаетъ это направленіе дочерей. А сыновьямъ внушаютъ стремленіе къ тѣмъ же заработкамъ, не какъ къ средству, а какъ къ *цѣли* жизни, съ тою разницею, что для нихъ это можетъ быть со временемъ и выгодное мѣсто при товариществѣ или банкѣ, или нажива на службѣ, или *равенство* въ комфортѣ и имуществѣ со всѣми (подразумѣвая всѣми богатыми и высокопоставленными людьми), посредствомъ политическаго переворота. Чего хотѣлъ ты? спрашивали у 19-ти лѣтняго парня, зарѣзавшаго мѣнялу. Онъ хотѣлъ пріобрѣсть себѣ деньги, (было тысячи двѣ-три), взять ихъ, чтобы *покутить, всласть пожить и торговлю завести*. Вотъ оно, послѣднее слово стремленій вѣка!

Такое постепенное извращеніе всѣхъ понятій о добрѣ и злѣ, о честномъ и не честномъ, такой совершенно скотскій развратъ, мало по малу всосались и впились въ наше общество, какъ клещь, на который обращаемъ вниманіе только, когда щемитъ по временамъ, когда какое нибудь слишкомъ грязное или громкое дѣло заставитъ посмотрѣть въ глаза этому злу; да и то̀ покричимъ, пожалуй поплачемся нѣсколько дней, да и опять въ равнодушную дремоту, прикрытую какимъ то мнимымъ добродушіемъ и снисходительностью. Но не всѣ же молодыя натуры *сознательно* отдаются теченію. Нѣтъ! Слава Богу, есть еще на Руси нашей, живая струя любви и самоотверженія, есть потомки тѣхъ крѣпкихъ и вмѣстѣ нѣжныхъ душъ, которыя съ Сергіемъ Радонежскимъ, съ Зосимою и Савватіемъ, съ Стефаномъ Пермскимъ, бѣжали отъ гнета Агарянскаго и отъ путовъ Литовско-германскаго вооруженнаго просвѣщенія, и искали, въ пустыняхъ и среди полудикихъ племенъ, скромно-отважнаго подвига, врачуя болѣзни духа, укрѣпляя себя и другихъ трудомъ безпритязательнымъ, обращая пустыни въ цвѣтущія поселки, дикіе берега сѣвернаго поморья въ торговые порты, открывая всюду, куда являлись, пріюты сирому и убогому, трапезу голодному, отдыхъ страннику, благословеніе и совѣтъ кающемуся грѣшнику, леченіе больному, и въ этомъ удаленіи отъ міра, сохраняя горячую любовь къ отечеству въ видѣніяхъ и посланіяхъ. въ дарахъ денежныхъ, а иногда въ мужественныхъ, и воинственныхъ подвигахъ, отправляясь на вольную смерть ради Господа и святой Руси. Что этотъ духъ геройскаго подвижничества живъ у насъ, доказала Сербская война и послѣдняя война наша. Всеобщій святой порывъ Россіи на безкорыстную защиту страждущихъ на лишенія, страданія и смерть, безъ различія званія и пола, во имя общей Вѣры «за крестъ Господень, *за нашихъ*, которыхъ бьютъ», это неожиданное проявленіе духовной жизни народа Русскаго утѣшило высокимъ утѣшеніемъ всѣхъ истинныхъ отчизнолюбцевъ. Терпѣніе, мягкость, христіанское благодушіе и

строгое безропотное исполненіе долга, безропотное страданіе въ болѣзни и ранахъ, удивляли и друга и недруга въ нашихъ солдатахъ. Храбрость, стойкость, героизмъ существуютъ во всѣхъ арміяхъ достойныхъ этаго имени, но незлобіе, доброта, жалостливость, самоотверженіе и скромность, всепрощеніе и любовь изумляли иностранцевъ, сопутствовавшихъ нашей арміи, т. е. изумляли именно христіанскія добродѣтели, которыя суть народныя добродѣтели наши. Вотъ гдѣ надежда на будущее, если большинство народа ихъ сохранитъ; ибо нельзя скрыть отъ себя, что мы переживаемъ эпоху общаго переворота, эпоху одного изъ тѣхъ историческихъ кризисовъ, которые измѣняли не одно, не два царства, а всю гражданскую жизнь народовъ. Христіанское ученіе Апостоловъ измѣнило весь древній міръ и, волею или неволею, сознательно или безсознательно, люди зажили иначе, совершенно новый, невообразимый для язычества, строй жизни начался съ тѣхъ поръ. Но Царство Христово нѣсть отъ міра сего, и, овладѣвъ частною жизнью, въ жизнь *политическую* новое ученіе не проникло, хотя мало по малу духъ милосердія, безсознательно для самихъ законодателей, находитъ мѣсто, и все смягчающее, которое признается за *прогрессъ цивилизаціи*, въ переводѣ на руссксе этихъ иноязычныхъ словъ, значитъ: постепенное развитіе Закона Христа. Въ *Россіи* въ первые правительство отмѣнило смертную казнь для обыкновенныхъ преступленій, оставивъ ее только для особенныхъ, выходящихъ изъ ряда случаевъ, когда по размѣру пагубныхъ послѣдствій преступленія, грозящихъ спокойствію всего государства, необходима необычайная строгость и скорое прекращеніе зла,—т. е. преступленіямъ, судимымъ военнымъ судомъ и экстренным верховнымъ судомъ, назначаемымъ для измѣнниковъ противъ верховной власти. И въ теченіи столѣтія этой отмѣны мы такъ отвыкли отъ смертной казни, что нѣтъ кажется русскаго человѣка, который бы могъ безъ содроганія видѣть ее или даже вспоминать видѣнную, между тѣмъ какъ въ 20-хъ годахъ

нынѣшняго столѣтія въ Лондонѣ горничныя, няньки, кухарки пріодѣвались по праздничному и просились *со двора* посмотрѣть на казнь такого то вора или убійцы, какъ на спектакль, который повторялся нѣсколько разъ въ мѣсяцъ, и съ веселымъ оживленіемъ разказывали послѣднія минуты казненнаго, съ пересудами и сравненіями между имъ и другимъ, казненнымъ намедни, критикуя или хваля его осанку, поступь и пр. А въ 24 году на большихъ дорогахъ Пруссіи еще торчали эшафоты для *колесованія* преступника, хотя его уже мертваго клали на колесо, убивъ его прежде, какъ говорятъ. И такъ Россія первая, *самодержавной волей царской*, показала примѣръ христіанской мягкости юридической,—и благоговѣнія передъ великою тайною смерти, минутой перехода человѣческой души изъ дольнаго міра въ вѣчность.

Не сознавая источника смягченія нравовъ новѣйшаго времени, Европейцы однако начинаютъ тоже задумываться надъ своими драконовыми законами и точно также *не сознавая источника*, начинаютъ искать средства къ *уравненію людей между собою* и хотятъ огнемъ и пламенемъ, убійствомъ изъ-за угла и грабежемъ, матеріальными наслажденіями, завистью и ненавистью основать братскую помощь, взаимную поддержку и *равенство* всѣхъ человѣковъ, которое достижимо *только* любви христіанской, вѣрѣ въ Отца небеснаго, въ искупленіе и въ силу даровъ Духа Святаго.

Есть между самыми рьяными соціалистами люди искренно и сердечно преданные мысли о водвореніи на землѣ такого-то милленіума, мысли благотворенія ближнему, возстановленія любви и «благоволенія въ человѣцѣхъ»—только *«безъ славы въ вышнихъ Богу»*. Конечно между молодыми людьми, увлеченными въ пагубныя ученія нашего времени, многіе, если не бо̀льшее число, *безсознательно* гонятся за властью, за богатствомъ, за славою (своего рода) и наслажденіями гордости и властолюбія въ будущемъ, когда удастся сдѣлать политическій переворотъ. Ôte toi de là, que je m'y mette, есть почти

всегда тайный девизъ революціонеровъ. Но есть и многіе между нашей несчастной молодежью, которые, отвергнувъ Бога, отвратившись отъ всего, что даетъ истинное отреченіе отъ себя, однако искренно, сердечно, любовно ищутъ счастія ближняго, стремятся къ лучшему строю политическому и гражданскому и, блуждая въ потемкахъ, ими самими созданныхъ своимъ отрицаніемъ «Солнца Правды», падаютъ въ пропасть съ наилучшими намѣреніями своими и наконецъ доходятъ до ужасающихъ преступленій, чуждыхъ русскому мягкому нраву. Какимъ же образомъ, живя въ христіанской землѣ, рожденные и крещенные въ истинной Церкви, эти добрыя, любящія души не понимаютъ, гдѣ искать тѣхъ благъ, о которыхъ они мечтаютъ для ближнихъ своихъ и для себя? По чьей винѣ? По нашей общей винѣ, насъ людей благочестивыхъ и вѣрующихъ искренно, насъ людей молящихся, благотворящихъ церквамъ и нищимъ, насъ дающихъ концерты и спектакли съ благотворительною цѣлью, насъ платящихъ и требующихъ 25 р. за бокалъ шампанскаго, насъ дарящихъ 100 р. за улыбку женщины высшаго круга, которая подаетъ намъ чашку чаю на великосвѣтскомъ базарѣ въ пользу добраго дѣла. Мы переняли, опять-таки Европейскіе, *торговые способы возбуждать* любовь и жалость къ ближнимъ, забывая, что русскій человѣкъ, бывало, просто подаетъ кусокъ хлѣба нищему, да перекрестится, благодаря Бога, что Онъ сподобилъ его подать во Имя Христа; забывая, что копѣйками добровольными у насъ сотни тысячъ собираются на храмы и на больницы; забывая, что тысячи и тысячи богомольцевъ добираются *Христовымъ именемъ* изъ дальнѣйшихъ закоулковъ Россіи до Святыхъ мѣстъ, въ которыхъ дали обѣщаніе помолиться, не имѣя своихъ средствъ дойти и до полпути!.. Какая разница между добродѣтельной, хорошаго поведенія и хорошаго общества, честной, чиновной женщиной, которая говоритъ француженкѣ въ модномъ магазинѣ: «прошу Васъ мнѣ платье сшить совершенно такое, какъ носятъ К . . . . . (женщины легкаго

поведенія), потому, что только это нравится мужчинамъ;» какая разница между этой дамой и той нигилисткой (тоже воспитанной и жившей въ образованномъ обществѣ), которая, ѣхавши на каторгу, говоритъ на станціи: «я жрать хочу», и, перекликаясь изъ одного вагона въ другой съ подругой нигилисткой, генеральской дочерью, кричитъ: «что ты с...... тамъ дѣлаешь?» Единственное предположеніе въ томъ и другомъ случаѣ,—это, что обѣ молодыя женщины сумасшедшія. Но такое сумасшествіе становится повальною болѣзнью у насъ, и можно ли дивиться, что именно благородныя и нѣжныя души возмущаются, глядя около себя и видя это общее *опьяненіе*, это низкое пресмыканіе передъ модами заграничными, начиная съ дорогихъ платьевъ *Ворта* (каждое цѣною, достаточною на цѣлый годъ цѣлому бѣдному семейству) и съ Wedding tour по заграничнымъ hotel'ямъ новобрачной четы, и кончая философскими воззрѣніями Hartmann'a, политическими Гамбеты, литературными газеты Фигаро,— съ безумной расточительностью въ пользу всякой иностранной сволочи и развлеченіемъ въ ресторанахъ и сальныхъ гуляньяхъ не съ пѣсенниками, а съ пѣсеньками грязнаго свойства. А для болѣе серьезныхъ натуръ Ирвингельская вѣра, ученіе лорда Родстока, вертящіеся столы, переводы англійскихъ сочиненій наивнаго, хотя благонамѣреннаго, духовнаго свойства (tracts) вотъ пища для ума и сердца лучшихъ людей, крещенныхъ въ Православіе. А остальные наслаждаются жизнью по своему, располагая на что̀ попадется деньгами *чужими* и куда не повернешься—воровство, мошенничество, нажива; и кто не попадаетъ на каторгу за неосторожное дѣйствіе, продолжаетъ пользоваться уваженіемъ, или даже почетомъ нашихъ лучшихъ людей.

Съ задатками всего хорошаго по природѣ своей, гдѣже молодежи нашей, учившейся (положимъ) успѣшно всякимъ наукамъ въ школахъ нашихъ, гдѣ же ей научиться *наукѣ жизни христіанской?* гдѣ ей увидать тотъ зародышъ будущаго человѣческаго и народнаго строя, кото-

рый *необходимо создать въ будущемъ и въ будущемъ ближайшемъ* и котораго ждутъ съ жаждою народы и человѣки, истомленные мишурною гражданственностію нашего вѣка.

Не плоть, а духъ растлился въ наши дни
И человѣкъ отчаянно тоскуетъ;
Онъ къ свѣту рвется изъ ночной тѣни
И, свѣтъ обрѣтши, ропщетъ и бунтуетъ.
Безвѣріемъ палимъ и изсушенъ,
Невыносимое онъ днесь выноситъ—
И сознаетъ свою погибель онъ
И жаждетъ вѣры, — но о ней не проситъ.

Почему не проситъ? Почему не ищетъ въ вѣрѣ предковъ, въ вѣрѣ своего дѣтства того исцѣленія отъ своей тоски, того средства къ достиженію человѣколюбивыхъ цѣлей, которыхъ хочетъ добиться насиліемъ? Почему? Потому что научился предковъ своихъ презирать, а дѣтство не оставило ему никакихъ глубокихъ или нѣжныхъ воспоминаній церковныхъ. По воскресеніямъ водили его, конечно, къ обѣднѣ, но, воротясь изъ церкви, ни на комъ не замѣчалъ онъ никакихъ слѣдовъ слышаннаго и видѣннаго. Обрядъ былъ исполненъ, обычай соблюденъ, но никто не чувствовалъ охоты подѣлиться другъ съ другомъ своими чувствами и разговоръ не обращался на предметы божественные или даже духовные вообще. Тѣмъ и кончались семейныя впечатлѣнія *вѣры.* Потомъ, говѣніе въ гимназіи или пансіонѣ — тотъ же обрядъ, тотъ же обычай и, что хуже, законоучителя находили скучнымъ, а потихоньку читали книги, гдѣ все это осмѣивалось, а если какая нибудь старая бабушка, или тетушка, или няня заговаривали о чудотворной иконѣ, или мощахъ святаго,—то *конфузились* родители и старшія сестры, и видно было, какъ имъ неловко слушать эти неприличные разговоры не развитыхъ старухъ. Среди такой обстановки куда обратиться молодой душѣ, возмущенной несправедливостью, лѣностью, вялостью, гнуснымъ корыстолюбіемъ и бѣшеннымъ развратомъ нашихъ дней? Все, что

творится безнаказанно нынѣ, слишкомъ напоминаетъ *послѣдніе* дни государствъ и народовъ, по крайней мѣрѣ послѣдніе дни *данной формы гражданственности* и политическаго строя. Это разгулъ французской цивилизаціи въ концѣ царствованія Людовика XV-го, или еще болѣе похоже на языческія сатурналіи Римскаго міра, съ его блестящимъ просвѣщеніемъ, съ его утонченной цивилизацiей, неистовымъ развратомъ, пресыщеніемъ и самоубійствомъ. Тогда спасеніе было близко—ученіе Христово, кровь мучениковъ, апостольская проповѣдь уже бросили свое семя. Но и тогда нужно было новое племя (ихъ звали варварами), племя, не извращенное еще блестящимъ лжеученіемъ, чтобы водворить новый, неслыханный, невиданный порядокъ вещей, въ которомъ новое ученіе могло бы укорениться.

Такъ и нынѣ, для обновленія гражданственности Европейской, для *крещенія* ея, такъ сказать, въ покаяніи и въ вѣрѣ,—нужно новое племя, тоже зовомое варварскимъ; и благо намъ, если мы, Славяне, поймемъ и примемъ этотъ подвигъ духовный на себя какъ приняла Россія подвигъ бранный за братьевъ своихъ, въ борьбѣ Славянской съ Турціей. Тутъ, когда кипѣла эта кровавая борьба, умолкли лжепророки, и молодежь ринулась на поле битвы, кто съ оружіемъ въ рукахъ, кто съ скромной повязкой Краснаго Креста на рукѣ. Но буря прошла, и увы! не очистила воздуха и почти хуже и пуще поднялъ голову развратъ.

III-й ПЕРІОДЪ.

1881 года. Москва.

Еще два года прошли! и Боже мой! до чего мы дожили! Россія, наша вѣрующая, вѣрная, крѣпкая Россія, которую Вяземскій въ 48-мъ году сравнивалъ съ утесомъ, у подошвы котораго разбивались въ брызги волны революціи, сокрушающей Европу; — наша Россія покрылась стыдомъ убіенія мученической смертію Царя, ея

Благодѣтеля, Освободителя, Реформатора, кроткаго, любвеобильнаго, безкорыстнаго, самоотверженнаго;—убіеніемъ Его въ столицѣ, въ бѣлый день, на улицѣ, на глазахъ гуляющихъ беззаботно, прохожихъ, взрывомъ метательнаго снаряда, выдуманнаго *гуманной цивилизаціей, и высшей наукой нашего времени!*—

Передъ днемъ похоронъ пріѣхали посланные выборные изъ Павловскаго Посада (около Москвы) и, въ разговорѣ съ ними, одинъ знакомый мой, сказалъ: кромѣ ужасной потери, кромѣ глубокаго горя,—еще лежитъ на Россіи страшный позоръ».—Да, отвѣчалъ одинъ изъ нихъ, и слезы покатились на его длинную сѣдую бороду,—да, страшный позоръ!—Русскій человѣкъ встрѣчаетъ русскаго, и не довѣряетъ ему, боится найти въ немъ Іуду!»—

Правду говорилъ онъ,—именно довѣріе потеряно; именно чувство уваженія другъ къ другу, вѣра въ честь и честность русскаго человѣка, русскихъ людей, русскаго народа,—пропала у насъ совсѣмъ!—И что всего ужаснѣе,—мы также слѣпо стремимся въ пропасть, не понимая, даже не догадываясь, что развратъ, всячески поддерживаемый и распространяемый жалкою близорукою ловкостію и политикой благонамѣренныхъ людей,—что развратъ нравовъ ведетъ не только къ моральному паденію, но физически разслабляетъ человѣка и заражаетъ его болѣзнями, которыя прямо дѣйствуютъ на мозгъ. Когда вы съ отрочества, (если не съ дѣтства), изнуряете силы физическія человѣка,—разслабляете и вмѣстѣ возбуждаете его нервы, и въ то же время убиваете въ немъ всякій идеалъ,—отнимаете у него безсмертіе души, вѣру въ Бога и въ загробную жизнь, рисуя предъ нимъ только одну цѣль:—*животное наслажденіе для себя, и стремленіе добыть такія же наслажденія для всего человѣчества;* вы—вашего послѣдователя унижаете непремѣнно до животнаго.—Это вамъ слишкомъ удается; но не всякій человѣкъ можетъ сдѣлаться простой домашней скотиной. —Есть люди, которые съ радостію прохрюкаютъ свой вѣкъ жирной свиньей, валяясь въ лужахъ и насыщаясь

всякими грязными объѣдками;—наворовываютъ милліоны и, присужденные милосердымъ судомъ къ ссылкѣ, нагло насмѣхаются надъ приговоромъ, уѣзжая въ собственной каретѣ, со свитою, и продолжая, по ту сторону Урала, давать и принимать наивкуснѣйшіе обѣды, съ распивкой дорогихъ привозныхъ винъ.—Но есть люди, природа которыхъ не можетъ дойти, въ своемъ паденіи, до положенія домашняго скота;—и сдѣлавъ ихъ *животными*, вы создаете лютыхъ звѣрей, тигровъ и шакаловъ, жаждущихъ крови. Это именно лучшія натуры, погибшія отъ воспитанія и примѣра развратителей нашего поколѣнія. Это безуміе, это *бѣшенство*, къ которому привели матеріализмъ, убивающій лучшіе идеалы, лучшія вѣрованія человѣка, все то̀, что отличаетъ его отъ животныхъ, и привели сверхъ того, къ физическому бѣшенству, черезъ образъ жизни, изнурившей его тѣлесныя силы.

Еще въ 1853 году великій Проповѣдникъ нашъ, чуя грядущую бурю говорилъ: «Міръ любитъ веселіе и смѣхъ. «Спѣшитъ скачущей ногою достигнуть минутнаго блаженства. Кажется, онъ стремится теперь къ такому совершенству суеты, чтобы совсѣмъ ничего не дѣлать и только «забавляться.

«Знаете ли Вы? думаете ли Вы? куда ведетъ сей «путь? къ какимъ послѣдствіямъ приближаетъ сія всепоглощающая страсть къ увеселеніямъ, къ роскоши, къ «непрестаннымъ чувственнымъ наслажденіямъ?—Судъ уже «произнесенъ, и произнесенъ такимъ Судіею, котораго «опредѣленія неизмѣнны, потому что Онъ безконечно праведенъ и вѣченъ. *Горе вамъ, смѣющіеся нынѣ, яко возрыдаете и восплачете.* Это *нынѣ*, которое вы съ такими «усиліями наполняете обаяніями, скоро пройдетъ и вы «восплачете о разстройствѣ вашего благосостоянія, о разстройствѣ здоровья, о разстройствѣ силъ душевныхъ» *). Можно бы прибавить и о разстройствѣ ума.—

---

*) Слово Митрополита Филарета въ день св. Алексія. 18 го Февраля 1853 года.

И мы пожинаемъ нынѣ горькіе плоды безумнаго умничанья тѣхъ близорукихъ совѣтниковъ Правительства, которые, *яко бы для развлеченія, и удаленія отъ политическихъ интригъ,* совѣтуютъ губить народъ всѣхъ званій въ кафе-шантанахъ, опереткахъ, трактирахъ, ресторанахъ, увеселительныхъ заведеніяхъ, и уже довели тысячи и тысячи людей до самоубійства, злодѣяній и каторги или висилицы.

Да! судъ произнесенъ и приговоръ объявленъ.—Объявленъ онъ громовымъ ударомъ и трескомъ взрыва 1-го Марта! И мы не обратились! не поняли! не прозрѣли! увеселенія самого грязнаго и грѣшнаго свойства, продолжаются и умножаются повсюду; а рекламы врачей наполняютъ столбцы газетъ, врачей, лечащихъ постыдныя болѣзни, и на тѣхъ же столбцахъ вы читаете:

— «Вчера, 18-го Іюля, неизвѣстный молодой человѣкъ «хотѣлъ лишить себя жизни въ Тоновскихъ баняхъ;—но «былъ остановленъ во время. На немъ нашли записку «слѣдующаго содержанія: Въ случаѣ моей смерти, прошу «не винить никого. Я велъ распутную жизнь, пора кон«чить..... Богъ проститъ».—Съ какимъ глубокимъ, душевнымъ состраданіемъ читаешь эти строки! Самоубійство, смертельный грѣхъ, и надежда на милосердіе Божіе!—Распутство и омерзеніе къ самому себѣ!—а нѣтъ энергіи, чтобъ бросить грѣхъ, чтобъ обратиться, чтобъ взяться за самоисправленіе; наконецъ, чтобъ бѣжать въ пустынный край, въ бѣдный монастырь, замолить и заработать грѣхи, въ раскаяніи и трудѣ, если уже нѣтъ возможности перемѣнить образъ жизни въ обыкновенной обстановкѣ?—

Боже мой! что̀ за безпомощное страданіе! Что̀ за отчаянное сознаніе своего паденія! И память лучшихъ дней —когда онъ прибѣгалъ къ молитвѣ! И надежда на милосердіе Божіе!—И въ концѣ концевъ, однако,—безнадежное прибѣжище къ грѣшному самоволію и малодушной кончинѣ, вмѣсто скорбящаго вопля сердца,—взывающаго къ Спасителю: «Вѣрую Господи! помози моему невѣрію!»

И это смѣшеніе добродушія, нѣжности, раскаянія, и *убійства* самого себя или другаго,—встрѣчаемъ на каждомъ шагу! А наши литературные и разные кабинетные фарисеи, возмущаются, гнушаются и просятъ объ уничтоженіи кабаковъ! *Кабаковъ «только»*, ибо, будто бы одинъ простой народъ гибнетъ въ развратѣ, и онъ то въ однихъ лишь кабакахъ!—Пожалуй, закроютъ въ самомъ дѣлѣ часть кабаковъ, и слава Богу!—Для поселянъ, живущихъ безвыѣздно въ деревнѣ, это будетъ истиннымъ благодѣяніемъ.—Но оставятъ трактиры и чайныя заведенія, въ городахъ и городкахъ, а они не лучше, если не хуже кабаковъ.—Да къ тому, яко бы во избѣжаніе пьянства, устраиваютъ увеселенія для народа со всевозможными искушеніями къ разврату и раззоренію, да еще съ благотворительною цѣлью, т. е. *отравляютъ самый источникъ благотворительности: любовь къ Богу и къ ближнему;* возбуждая самоугожденіе и своекорыстіе въ душѣ благотворящаго (будто бы), человѣка, веселящагося и выигрывающаго въ лоттерею—аллегри и пр. **)—и мы, благонамѣренные, но вѣтренные люди, необдуманно принимаемъ искаженныя понятія запада. Пожалуй, и у насъ повторятъ послѣднюю выходку этого политическаго экилибриста Гамбеты, говорившаго недавно въ Парижѣ, что

**) Недавно было объявленіе о *дѣтскомъ Праздникѣ* съ играми *въ пользу* дѣтскаго Пріюта!—Самихъ дѣтей съ первыхъ лѣтъ ихъ, уже губятъ извращеніемъ понятій о добродѣтели и благотворительности.—Христіанскіе родители говорили, во время оно, маленькому сыну или дочкѣ: «у тебя проситъ голодный мальчикъ, ему ѣсть нечего; *подѣлись* съ нимъ твоей булкой!» и часто, ребенокъ *всю* свою булку отдастъ, *и радуется, что тому хорошо*, хотя и самому-то хочется поѣсть.—Нынѣ же дѣтямъ говорятъ: «есть на свѣтѣ мальчики голодные, бѣдные;—такъ вотъ: «веселись, играй, кушай сласти вдоволь; а изъ рублей трехъ «истраченныхъ на *твое* собственное удовольствіе, копѣйки двѣ «останутся на корку хлѣба голодному?»—Чему тутъ учится и пріучается ребенокъ?—самоугожденію, эгоизму и высокомѣрному отношенію къ бѣдности, и страданіямъ ближняго.—А что касается до Бога и Его ученія о любви къ нищимъ и больнымъ, о томъ разумѣется, и помину нѣтъ.

религія его есть умственный прогрессъ человѣчества, *безъ* Вѣры и *безъ* Церкви; и въ пользу *этой религіи* приноситъ свою лепту, называя торжество насильственныхъ мѣръ, принятыхъ противъ свободы чужихъ вѣрованій, «республиканскою пасхою демократій».

Всѣ эти фокусы, всю эту мишуру и жалкое пустословіе французское, и эти коммерческіе пріемы благотворительности англійской на базарахъ великосвѣтскихъ, все это, намъ чуждое, мы пересаживаемъ на нашу нетронутую почву православную, и радуемся, какъ дѣти, играющіе съ зажженными спичками, представляя ими иллюминацію въ сѣновалѣ.

Тютчевъ говорилъ о сумасбродствахъ 1861 года, что Петербургъ ему кажется огромной больницей сумасшедшихъ, изъ которой ушли всѣ санитары и сторожа, и забыли запереть двери больныхъ.—Съ этого времени можно думать, что не только по всей Россіи, но и по всему Европейскому міру *больные* въ бѣшенствѣ неистовствуютъ, не зная, что творятъ. Мы видимъ повтореніе послѣднихъ лѣтъ Римской Республики, и начала Имперіи. —Наши убійцы также безсердечно, какъ было въ это печальное время, замучиваютъ лучшихъ людей, принося ихъ въ жертву своимъ идоламъ, именующимся: прогрессъ, наука, свобода, равенство, и особенно деньги и деньги.— Золотой телецъ и Венера нынѣ излюбленныя божества; но для такихъ свободолюбивыхъ дѣятелей, какъ наши нигилисты, можно, кажется, между прочими благами, предлагаемой ими свободы отъ всякаго Правительства,—зачесть бы и свободу совѣсти, и свободу богослуженія.— Однако примѣръ Франціи доказываетъ, что преслѣдованіе Христіанъ есть догматъ ихъ; и мы находимся, съ другими только внѣшними пріемами въ томъ же положеніи, какъ языческій міръ въ первые вѣка христіанства Какъ, чѣмъ, и кѣмъ, было спасено человѣчество тогда?—Ученіемъ Христа, послѣдователями Апостоловъ, Кровію Мучениковъ и примѣромъ жизни христіанъ: чистотою, честностью, незлобіемъ ихъ, строгостію нравовъ, милосер-

діемъ къ слабымъ, всепрощеніемъ враговъ, щедростію къ неимущимъ, озареніемъ, свѣтомъ Христовымъ, и науки, и искусства, и философіи;—и неслыханнымъ дотолѣ *равенствомъ* и любовію между всѣми чадами Христовой Церкви, передъ которыми исчезали всѣ различія, такъ рѣзко отдѣляющія другъ отъ друга разные слои народа въ пресловутыхъ *свободныхъ* республикахъ древности, раздѣленныхъ на вольныхъ гражданъ и безправныхъ, презрѣнныхъ, угнетенныхъ рабовъ.

Въ наше время, если хотимъ себя спасти и другихъ отъ смертнаго грѣха, губящаго человѣчество, будемъ же и мы *христіанами*. Въ этомъ одномъ вся задача наша, какъ лично каждаго изъ насъ, такъ и задача наша, какъ народа, какъ племени, которое еще не исполнило своего назначенія историческаго и нравственнаго. Будемъ крѣпки духомъ и смиренны сердцемъ, какъ умѣютъ быть наши солдаты на войнѣ. Будемъ *сами собою*, не гоняясь за похвалой и одобреніемъ сосѣдей.—Будемъ *исповѣдывать громко, необинуясь, несмущаясь, Вѣру нашу Восточную Православную*, и будемъ въ духѣ ея,—въ духѣ Евангелія и Отцевъ Церкви, исполнять долгъ нашъ и въ отношеніи къ Царю или Его правительству, и въ отношеніи къ родителямъ и Старшимъ, и къ соотечественникамъ, и къ бѣднымъ.—Это разрѣшеніе задачи нашего настоящаго и будущаго, покажется *наивно простое* нашимъ умникамъ; но попробуй они *исполнить просто эту простую задачу*, и охъ! какъ покажутся имъ трудны и не подъ силу *истинная* свобода, *истинная* честность, *истинное* равенство, *истинная* благотворительность, *истинное* человѣколюбіе, *истинное* самоотверженіе христіанина! А другаго исхода нѣтъ изъ мрака и грязи настоящаго времени, и отъ этого наслоенія всевозможныхъ вредныхъ началъ, изнурившихъ нашу благодатную почву духовную въ теченіи вѣковъ!—

Николай Ребровскій.

Подражаніе Псалму 19-му.

Услышитъ Богъ тебя во дни твоей печали,
И имя Вышняго твой будетъ крѣпкій щитъ.
Какія горести тебя бы ни смущали,
Но помощь Божія тебя не посрамитъ.—

Онъ помянетъ твое за истину страданье,
Твое терпѣніе и твой плачевный стонъ;
И за твою любовь къ Нему и упованье,
Повѣрь, вознаградитъ тебя сторицей Онъ.—

Пусть злобные враги на гордыхъ колесницахъ,
Какъ бурный вихрь, летятъ на безпомощныхъ насъ:
Вся буря злобы ихъ на нихъ же обратится;
Смотри,—погибли всѣ, а насъ Всевышній спасъ!—

Спаси же, Господи, весь родъ благочестивый
Тобою даннаго намъ мудраго Царя,
Да поживемъ подъ нимъ спокойны и счастливы,
Благословеніе Твое надъ нами зря!—

И. К.

г. Нѣжинъ.

Лѣтопись текущихъ событій.

— *Погребеніе Высокопреосвященнѣйшаго Филовея Митрополита Кіевскаго.*—4-го Февраля Кіевская паства отдала послѣдній долгъ глубокочтимому и доблестнѣйшему Архипастырю въ Бозѣ почившему *митрополиту Филовею.* Въ послѣдній разъ кіевляне проводили священные останки кроткаго, мудраго и любвеобильнаго владыки и отца до мѣста вѣчнаго упокоенія. Съ самаго ранняго утра, на Печерскѣ, по дорогѣ, ведущей къ Лаврѣ, замѣтно было сильное движеніе: народъ массами направлялся къ Великой лаврской церкви, гдѣ стоялъ гробъ усопшаго святителя, дабы въ послѣдній разъ поклониться его праху. Божественная служба началась ровно въ 9 часовъ. Заупокойную литургію совершалъ высокопреосвященнѣйшій Димитрій, архіе-

пископъ волынскій и житомірскій въ сослуженіи преосвященнѣйшихъ: Іоанна, архіепископа полтавскаго, Іоанна, епископа чигиринскаго, и Михаила, епископа уманскаго, шести архимандритовъ, двухъ протоіереевъ, 4 игуменовъ и 2 іеромонаховъ. Уже въ 10 часовъ къ обѣднѣ прибыли г. кіевскій генералъ-губернаторъ ген.-адъютантъ А. Р. Дрентельнъ и всѣ высшіе военнаго и гражданскаго вѣдомствъ чины. Богато убранный вѣнками гробъ на катафалкѣ среди церкви, торжественное служеніе, стройное и гармоническое пѣніе двухъ соединенныхъ хоровъ, митрополичьяго и михайловскаго, производили потрясающее впечатлѣніе на молящихся. На литургіи вмѣсто «Причастна» спѣтъ былъ вполнѣ стройно глубоко-трогательный концертъ Вортнянскаго, на слова псалма: «Скажи ми Господи кончину мою и число дней». За концертомъ слѣдовало слово, сказанное ректоромъ кіевской духовной семинаріи архимандритомъ Виталіемъ, въ которомъ ораторъ живо и наглядно очертилъ святую подвижническую жизнь и дѣятельность почившаго владыки. По окончаніи обѣдни, прибывшіе архіепископы, мѣстные преосвященные епископы и все духовенство кіевскихъ градскихъ церквей, лаврское и прибывшіе духовныя лица изъ другихъ мѣстъ Россіи (напр. изъ Твери) вышли на средину церкви для отпѣванія. Предъ началомъ отпѣванія преосвященнымъ Михаиломъ, епископомъ уманскимъ, ректоромъ кіевской духовной академіи, сказана была прочувствованная рѣчь, глубоко тронувшая всѣхъ. Преосвященный Михаилъ предъ собравшимися у гроба усопшаго святителя изобразилъ трогательно и краснорѣчиво всѣ добрыя качества добродѣтельной души почившаго, которыми онъ украсилъ всю свою жизнь. Во время отпѣванія сказано было много рѣчей, отличавшихся непритворною теплотою и задушевностью. Такъ, преосвященный Іоаннъ, епископъ чигиринскій, въ своей рѣчи вспомнилъ нѣкоторыя черты изъ жизни почившаго въ бытность его инспекторомъ, профессоромъ и іеромонахомъ с.-петербургской духовной академіи. Каѳедральный протоіерей, П. Г. Лебединцевъ, въ своей рѣчи охарактеризовалъ христіанскую кротость и гуманность святителя, какъ начальствующаго въ дѣлѣ управленія епархіею и по отношенію къ подчиненнымъ. Глубокою скорбію о потерѣ

почившаго архипастыря отличалась рѣчь профессора кіевской академіи протоіерея А. М. Воскресенскаго, выразившаго въ концѣ рѣчи надежду, что покойный святитель не оставитъ въ своихъ загробныхъ молитвахъ не только кіевскую паству, но и всю Россію и Русскаго Царя. Два воспитанника кіевской духовной академіи Залапчинскій и Соколовъ, произнесли весьма задушевныя рѣчи. Наконецъ, протоіерей изъ Твери, гдѣ усопшій былъ 20 лѣтъ епископомъ, отъ лица тверской епархіи произнесъ нѣсколько глубокотрогательныхъ словъ, какъ вѣнокъ на голову почившаго.

Отпѣваніе окончилось около 3 часовъ. По окончаніи отпѣванія и цѣлованія, процессія, согласно церемоніалу, двинулась отъ Великой церкви на ближнія пещеры, чрезъ крѣпостныя ворота. На дворѣ запруженномъ народомъ, крѣпостныя войска выстроились шпалерами. Вдоль крѣпостныхъ воротъ расположены были войска и сотня казаковъ. Процессія остановилась у ближнихъ пещеръ.

Въ Крестовоздвиженскую церковь на ближнихъ пещерахъ вошли только духовенство и пѣвчіе. Тамъ, по совершеніи литургіи, останки въ Бозѣ почившаго погребены рядомъ съ гробницей Филарета, митрополита кіевскаго. Погребеніе окончилось въ 4 часа; послѣ чего преосвященнымъ и высшему духовенству въ покояхъ митрополита предложенъ былъ обѣдъ, а остальное духовенство, и лица, служащія по духовному вѣдомству, угощены были въ лаврской трапезѣ. Собравшійся народъ лаврская братія угостила весьма щедро.

«Дѣти потеряли отца, за то образъ отца, выразился одинъ церковный проповѣдникъ у гроба святителя, вѣчно будетъ жить въ умѣ оставленныхъ имъ дѣтей». (Заря № 28).

— *О днѣ празднованія восшествія на престолъ Государя Императора Александра Александровича.*

Циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ Губернаторамъ.

Въ нѣкоторыхъ календарахъ на 1882 г. день празднованія восшествія на престолъ Государя Императора Александра Александровича показанъ 1 марта. Во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, считаю необходимымъ увѣдомить ваше превосходительство, что на основаніи отпечатанной по распоряженію свя-

тѣйшаго синода (въ маѣ 1881 г.) «Табели высокоторжественнымъ и викторіальнымъ днямъ», празднованіе восшествія на всероссійскій императорскій престолъ Его Императорскаго Величества должно совершаться 2 марта, хотя самое восшествіе и считается 1 числа того же мѣсяца. Подписалъ министръ внутреннихъ дѣлъ, генералъ-адъютантъ графъ Игнатьевъ.

— *О расширеніи программы школы при Острожскомъ Кирилло-Меѳодіевскомъ братствѣ.*—«Новое Время» сообщаетъ, что 31 января, въ квартирѣ предсѣдательницы Острожскаго кирилло-меѳодіевскаго братства, графини А. Д. Блудовой, въ зимнемъ дворцѣ, происходило засѣданіе членомъ братства. Обсуждалось расширеніе программы братской начальной школы въ Острогѣ, Волынской губерніи, съ цѣлью дать возможность ученицамъ этой школы пріобрѣтать безъ экзамена званіе начальной учительницы.

— *Пособіе церковно-приходскимъ школамъ.*—Тому назадъ лѣтъ 15—18, церковно-приходскихъ школъ, то есть состоящихъ въ ближайшемъ и непосредственномъ распоряженіи духовенства считалось болѣе 12,000; а теперь ихъ не болѣе 4,000. Сообщаютъ, что въ высшихъ сферахъ рѣшено содѣйствовать ихъ умноженію. Въ вознагражденіе за труды преподаванія предполагается ассигновать въ распоряженіе духовнаго вѣдомства особую сумму, которая будетъ распредѣляема между духовными лицами каждой епархіи, занимающимися школьнымъ преподаваніемъ.

— *По переселенческому дѣлу.*—«Моск. Телегр.» сообщаютъ, что въ предстоящихъ засѣданіяхъ коммиссіи свѣдущихъ людей по переселенческому вопросу будетъ между прочимъ обсуждаться вопросъ о томъ, какія мѣры могли-бы быть приняты для предупрежденія нарушеній контрактовъ рабочихъ-переселенцевъ съ нанимателями. По этому поводу поступятъ на разсмотрѣніе коммиссіи слѣдующія представленныя правительству ходатайства отъ нѣкоторыхъ промышленныхъ учрежденій южной Россіи: 1) чтобы для предупрежденія случаевъ найма рабочихъ одновременно къ разнымъ лицамъ волостныя правленія не ограничивались однимъ засвидѣтельствованіемъ подписей по договорамъ, а заносили договоръ въ установленную актовую

книгу; 2) чтобы по возможности была облегчена паспортная система въ смыслѣ выдачи и обмѣна паспортовъ, и чтобы рабочимъ съ просроченными паспортами возможна была перемѣна послѣднихъ при помощи мѣстной полиціи; 3) чтобы нарушенія по договорамъ рабочихъ и нанимателей разсматривались мировыми учрежденіями по мѣсту нарушенія договора, а не по мѣсту жительства отвѣтчика, и наконецъ, 5) чтобы переселенцамъ-рабочимъ, не уплатившимъ недоимки, была сдѣлана разсрочка и чтобы таковой рабочій во всякое время не требовался волостными правленіями на родину.

— *По питейному вопросу.*—Со введеніемъ новыхъ правилъ о питейной торговлѣ, изъ числа заведеній съ правомъ продажи крѣпкихъ напитковъ предположено, какъ намъ пишутъ, вовсе исключить питейные дома и сходные съ ними по характеру шинки, а также и такъ называемыя временныя выставки. Затѣмъ далѣе, распивочную торговлю въ ренсковыхъ погребахъ предполагается обусловить пріобрѣтеніемъ свидѣтельства на трактирный промыселъ, съ цѣлью придать заведеніямъ этимъ характеръ трактировъ, а не питейныхъ заведеній, какъ это было до сихъ поръ; кромѣ того, для приданія питейной торговлѣ по преимуществу характера торговли на выносъ, предположено предоставить этотъ видъ торговли такимъ заведеніямъ, которыя нынѣ правомъ этимъ не пользуются, а именно: постоялымъ дворамъ, трактирамъ, буфетамъ и станціоннымъ домамъ. Съ этою же цѣлью предполагается, какъ мы слышали, допустить открытіе винныхъ лавокъ, въ которыхъ дозволить продажу вина только на выносъ, подобно тому какъ это было установлено при введеніи акцизной системы, относительно лавокъ штофныхъ, въ Петербургѣ, Москвѣ, Одессѣ и всей Петербургской губерніи, гдѣ, какъ извѣстно, дѣйствуютъ нынѣ такъ называемыя опытныя правила. Независимо отъ этого, исключены изъ числа мѣстъ питейной продажи дома малороссійскихъ казаковъ, войсковыхъ обывателей, колонистовъ и сельскихъ обывателей, живущихъ на собственной или общественной землѣ, такъ какъ въ виду совершеннаго упраздненія питейныхъ домовъ, лица эти въ отношеніи производства въ ихъ домахъ пи-

тейной торговли должны подчиняться общимъ проектируемымъ правиламъ.

— *По еврейскому вопросу.*—Въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» напечатано:

Въ послѣднее время распространились слухи о томъ, что готовится англійское заступничество за евреевъ. По существу своему, эти слухи настолько неосновательны и несогласны съ тѣми добрыми отношеніями, которыя существуютъ между нашимъ и сентъ-джемскимъ кабинетомъ, что они не заслуживали бы и опроверженія.

Но въ виду чуткости народнаго чувства и того вреда, который подобный слухъ можетъ принести, какъ лишній поводъ къ усугубленію натянутыхъ отношеній между евреями и кореннымъ населеніемъ государства, представляется полезнымъ выяснить дѣйствительное положеніе дѣла.

Еврейскій вопросъ безусловно принадлежитъ къ числу вопросовъ внутреннихъ, въ которыхъ каждое государство распоряжается по своему усмотрѣнію и никогда не потерпитъ посторонняго вмѣшательства или совѣта, въ какой бы то ни было формѣ. Придерживаясь самаго строгаго невмѣшательства во внутреннія дѣла другихъ государствъ, правительство тѣмъ болѣе не могло бы допустить подобнаго нарушенія международныхъ обычаевъ, что всякое заступничество иностранной державы за еврейскую народность могло бы только посѣять неудовольствіе въ массѣ населенія и неблагопріятно отразиться на положеніи евреевъ, которые, въ качествѣ русскихъ подданныхъ и въ возможной и законной мѣрѣ,—никогда не были лишены заступничества со стороны правительства.

Такъ какъ въ движеніи противъ евреевъ участвуютъ люди необразованные и легковѣрные, то, конечно, неосновательный слухъ объ иностранномъ заступничествѣ за евреевъ можетъ только усилить раздраженіе и недоразумѣніе.

Нижеприведенныя свѣдѣнія ясно свидѣтельствуютъ, что мѣры, принимавшіяся для устраненія безпорядковъ, не были слабы.

Число лицъ, задержанныхъ во время еврейскихъ безпорядковъ и подвергнутыхъ за участіе въ нихъ взысканіямъ, опредѣляется такъ.

Всего по случаю еврейскихъ безпорядковъ, въ южныхъ губерніяхъ задержано 3.675 и привлечено къ отвѣтственности 2.359 человѣкъ.

Во время безпорядковъ, бывшихъ въ г. Варшавѣ, въ декабрѣ минувшаго года арестовано 3.151 человѣкъ. Изъ нихъ противъ 2.302 человѣкъ возбуждено уголовное преслѣдованіе.

Если, при всѣхъ принятыхъ мѣрахъ, безпорядки могли всетаки имѣть мѣсто и принести существенный вредъ, то очевидно надлежитъ изыскать средства для окончательнаго устраненія ихъ возможности, чѣмъ и занимается нынѣ еврейскій комитетъ. Но для того, чтобы дѣятельность правительства въ этомъ отношеніи могла быть успѣшна, необходимо не обострять вопроса посторонними вліяніями и ложными слухами.

По поводу этого заявленія «Нов. Вр.» замѣчаетъ:

Во всей этой юдофильской кампаніи, по скольку она касается Россіи, играло главную роль нынѣ обычное за границей представленіе о Россіи, какъ о странѣ, раздираемой внутренними смутами, которая поэтому не въ силахъ дать отпоръ даже самому наглому притязанію извнѣ. Наша дипломатія, своимъ прошлымъ, которое иногда было такъ предупредительно къ Европѣ, давала поводъ евреямъ провозглашать на этихъ митингахъ, что Россія испугается голоса Европы и поспѣшитъ привести въ исполненіе постановленія ихъ. Все это вмѣстѣ съ толками значительной части русской печати, на тему о крайнемъ растройствѣ нашихъ внутреннихъ дѣлъ, не могло не подзадоривать недруговъ Россіи къ разнымъ оскорбительнаго свойства выходкамъ противъ нея. Теперь русское правительство заговорило твердымъ языкомъ, не допускающимъ никакихъ сомнѣній въ томъ, что оно будетъ энергически охранять честь и достоинство Россіи. И мы убѣждены, что этотъ тонъ сократитъ спѣсивую самоувѣренноть не только англійскихъ юдофиловъ, но и разныхъ другихъ политиковъ—«друзей» нашихъ.

Впрочемъ и такъ англійская пресса, служащая отраженіемъ общественнаго мнѣнія англичанъ, повидимому, сама начинаетъ понимать неумѣстность и неприличіе всей этой юдофильской возни. Такъ по словамъ «Новаго Времени» лондонскій журналъ «Spectator» очень толково объясняетъ причины анти-еврейскихъ

безпорядковъ, имѣющихъ теперь такое широкое распространеніе. «Spectator»

высказываетъ убѣжденіе, что они неизбѣжны, пока евреи остаются чѣмъ они есть. Евреи преслѣдуются не въ однихъ христіанскихъ странахъ. Самыя страшныя избіенія претерпѣли они отъ магометанъ. Отличная отъ остального населенія религія и внѣшность евреевъ еще не объясняютъ ихъ преслѣдованія. Въ Румыніи насчитываютъ до 200,000 цыганъ, не имѣющихъ никакого сходства съ остальнымъ населеніемъ, но тѣмъ не менѣе они не возбуждаютъ противъ себя въ румынскомъ населеніи той вражды, какую испытываютъ евреи. Путешественники говорятъ, что все объясняется родомъ занятій, незаконныхъ или безнравственныхъ, которымъ евреи предаются въ Восточной Европѣ,—особенно ихъ ростовщичествомъ, продажей водки, содержаніемъ домовъ терпимости.

Говоря о вспышкахъ народнаго негодованія противъ евреевъ, «Spectator» объясняетъ ихъ между прочимъ тѣмъ, что евреи

всюду являются иностранцами... Затѣмъ эти иностранцы, хотя не выдающіеся особенно умственною силою,—евреи, хотя часто отличаются въ литературѣ, но ихъ семь милліоновъ и они въ новѣйшія времена не создали не изобрѣли и не открыли многаго пропорціонально ихъ числу,—обладаютъ въ высокой степени *способностью къ накопленію*. Каждая раса имѣетъ свою полезную силу, иначе она исчезла бы, и именно способность къ накопленію составляетъ принадлежность евреевъ повсюду, исключая Палестины, въ которой они никогда не дѣлаются богатыми.

Другой лондонскій органъ «Tablet» пытается рѣшить вопросъ о причинахъ гоненій на евреевъ въ Германіи:

«Они пріобрѣли, по крайней мѣрѣ въ Германіи, силу, которая покоится не на одной промышленности или богатствѣ. Они, правда, были хитрѣе всѣхъ другихъ въ денежныхъ оборотахъ. Но они были болѣе этого. Они сплотились между собой и составили свою собственную партію. Они имѣютъ соціальную силу и единство, которыя проходятъ чрезъ искуство и литературу. Они составляютъ силу въ рейхсрагѣ и въ печа-

ти. Они соединяются въ ихъ сужденіи о книгахъ и предлагаемыхъ правительствомъ мѣрахъ». Словомъ, евреи въ Германіи составляютъ универсальную стачку съ цѣлью проведенія своего вліянія повсюду, гдѣ это имъ нужно, и съ цѣлью эксплуатаціи всего остальнаго не-еврейскаго населенія. Между тѣмъ они всякій разъ горячо протестуютъ, когда среди эксплуатируемаго имъ населенія составляются какія-либо комбинаціи для борьбы съ ними. Въ одномъ изъ напечатанныхъ въ «Times» еврейскихъ писемъ говорится, напримѣръ, что русскіе крестьяне въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ начинаютъ «бойкотить» обирающихъ ихъ жидовъ, т. е. на отрѣзъ отказываются имѣть какое бы то ни было дѣло съ ними. Евреи всюду поспѣшили заклеймить это дѣйствіе крестьянъ варварствомъ. Между тѣмъ такой образъ дѣйствій со стороны крестьянъ заслуживаетъ не осужденія, а поддержки. При немъ возможно отдѣленіе козлищъ отъ овецъ, какъ бы ни мало среди евреевъ оказалось послѣднихъ. Къ сожалѣнію, онъ далеко не всегда и не вездѣ возможенъ для крестьянъ. Бисмарку приписываютъ выраженіе: «Еврейство внезапно разоблачило свою страшную силу, имѣя въ своихъ рукахъ самыя страшныя орудія современнаго общества—финансы и журналистику. Еврейство трудится надъ разрушеніемъ христіанскаго общества, съ цѣлью замѣнить его всемірнымъ владычествомъ избраннаго народа Іеговы». Что такова въ сущности задача еврейства, наши читатели помнятъ, открыто признается одною изъ здѣшнихъ еврейскихъ газетъ. Извѣстный ученый комментаторъ Библіи Годетъ пишетъ: «Именно еврейскій умъ руководитъ религіозными и нравственными движеніями общества въ наши дни. И тайно еврей куетъ цѣпи, которыя онъ приготовляется наложить на этихъ презрѣнныхъ иновѣрцевъ, которые покорно смотрятъ на него въ своемъ умственномъ помраченіи».

— *Подчиненіе министерству народнаго просвѣщенія учебнаго округа.*—По словамъ «Новаго Времени», кавказскій учебный округъ, не состоявшій въ зависимости отъ министерства народнаго просвѣщенія, нынѣ, съ уничтоженіемъ намѣстничества кавказскаго, будетъ подчиненъ названному министерству на общемъ съ другими учебными округами основаніи; но съ тѣмъ,

что о всѣхъ болѣе важныхъ вопросахъ попечитель кавказскаго учебнаго округа предварительно представленія въ министерство будетъ сноситься съ главноуправляющимъ гражданскою частію на кавказѣ.

— *Временное закрытіе Харьковскаго Университета.*—29 Января, распоряженіемъ попечителя учебнаго округа лекціи и занятія въ университетѣ прекращены до особаго извѣщенія. Причина волненій учащейся молодежи, какъ выражается газета «Южный Край», имѣетъ по собраннымъ свѣдѣніямъ чисто-домашній характеръ. Дѣло въ томъ что въ прошлую субботу въ залѣ Дворянскаго Собранія былъ студенческій вечеръ; на этомъ вечерѣ произошло столкновеніе вслѣдствіе личной обиды между нѣсколькими студентами и однимъ мѣстнымъ литераторомъ. Столкновеніе приняло размѣры побоища. Три студента, уличенные въ томъ что принимали участіе въ побоищѣ, временно удалены изъ университета. Эта печальная сцена случившаяся на студенческомъ вечерѣ вызвала толки и споры среди студентовъ. Волненія эти продолжались двое сутокъ и привели ко временному закрытію университета.

— *По Университетскому вопросу.*—По мнѣнію «Моск. Вѣд.». Харьковская университетская исторія снова указываетъ на ненормальное положеніе нашихъ университетовъ, на которое давно бы слѣдовало обратить вниманіе. Въ сущности, у насъ нѣтъ высшаго образованія. Мы имѣемъ академіи, самовысшія техническія заведенія и институты, юридическую школу высшихъ правъ, но низкаго ученія; имѣемъ университеты со стѣнами, кабинетами, профессорами и студентами; строимъ новые, замышляемъ новѣйшіе, воздвигаемъ каѳедры, но высшаго образованія все таки нѣтъ. Не уча, нельзя научить; не учась, нельзя научиться. Нахально проповѣдуемый въ послѣдніе годы планъ поймать «науку», безъ ученья, есть грубѣйшій обманъ. Тонъ всему дается университетами, вопросъ объ университетахъ есть потому вопросъ о судьбахъ всего образованія въ Россіи; это вопросъ, касающійся всѣхъ вѣдомствъ, общій государственный вопросъ, первый по важности въ настоящее время, ибо отъ него зависитъ будущность страны, ибо имъ должно рѣшиться, въ какія руки, сойдя со сцены, сдастъ нынѣшнее

*

поколѣніе дѣло управленія обширною страной, въ руки ли людей серіозно образованныхъ, или же недоучекъ и пустомѣль со внѣшнимъ лоскомъ и ужасающею внутреннею пустотой, покорныхъ всякому враждебному вліянію, которые и нынѣ такъ даютъ себя чувствовать на всѣхъ чредахъ и всяческихъ постахъ. Противъ рѣшенія этого вопроса, кромѣ естественныхъ эгоистическихъ опасеній учащихъ корпорацій, произволу которыхъ нынѣ отдано все внутри университетовъ, возстаетъ вся тысячеголовая, сложившаяся и возросшая въ послѣдніе годы партія бездарности и умственной несамостоятельности, наименовавшая себя либеральною, объявившая себя нашею интеллигенціей, призванною вертѣть колеса прогресса, подвизающаяся въ фельетонахъ, на каѳедрахъ, въ судахъ и совѣтахъ, проникшая во всю земщину и опричину; противъ вопроса объ университетской реформѣ поднимается, наконецъ, инстинктивно все, чему можетъ грозить русское дѣло въ умныхъ рукахъ. Правительству настойчиво указывается такая «либеральная программа: гимназіи, гдѣ дѣло только что было наладилось послѣ многихъ усилій—разорить, а нынѣшнее университетское разореніе оградить и сохранить напредь. Что такая программа предлагается, тутъ нѣтъ ничего удивительнаго. Удивительны настойчивы надежды, что она можетъ быть принята.

— *Князь Италійскій графъ Александръ Аркадьевичъ Суворовъ-Рымникскій* (Некрологъ).—31 Января скончался старѣйшій генералъ-адъютантъ свѣтлѣйшій князь Италійскій графъ Александръ Аркадьевичъ Суворовъ-Рымникскій, послѣ тяжкой болѣзни, когда его двѣ недѣли назадъ постигъ нервный ударъ въ засѣданіи государственнаго совѣта. Князь А. А родной внукъ знаменитаго фельдмаршала князя Суворова. Съ его кончиною славному роду этому придется зачахнуть. Князь Александръ Аркадьевичъ былъ замѣчательно-добрый и честный человѣкъ. Этою добротою, во время бытности его въ Прибалтійскомъ краѣ генералъ-губернаторомъ, не мало пользовались нѣмцы для объединенія своихъ сепаратистскихъ стремленій и усиленія вліянія нѣмецкаго дворянства и духовенства. Къ сожалѣнію въ прежнее время русскіе государственные люди на окраинахъ Россіи были не рѣдко разъединены съ русскимъ умомъ и рус-

скою мыслію центра Россіи и ихъ положеніе было тѣмъ тяжелѣе, что тогда Рига была гораздо ближе къ Берлину, нежели къ Петербургу, и въ Петербургѣ очень часто цѣнили людей такъ, какую оцѣнку имъ давалъ Берлинъ. Съ переходомъ изъ Риги въ Петербургъ, князь Суворовъ явился тѣмъ настоящимъ русскимъ человѣкомъ, доброта котораго привела ко гробу его не одну тысячу человѣкъ. («Свѣтъ»).

— *Н. Н. Воскобойниковъ* (Некрологъ). — 1 Февраля скончался самый энергическій сотрудникъ «Московскихъ Вѣдомостей» Николай Николаевичъ Воскобойниковъ. Болѣзнь сердца свела его въ преждевременную могилу въ цвѣтѣ силъ, 44 лѣтъ отъ роду, Нашу печаль о немъ поясняетъ издатель Московскихъ Вѣдомостей раздѣлятъ многіе знавшіе покойнаго и его многосторонюю дѣятельность, его честный характеръ, его прямоту, его способность къ неутомимому труду, его всегдашнюю готовность сдѣлать каждому возможное добро, его замѣчательныя умственныя и высокія нравственныя достоинства, его рѣдкую симпатичность въ близкихъ дружескихъ отношеніяхъ. Но мы потеряли въ немъ особенно много. Онъ былъ не только однимъ изъ старѣйшихъ сотрудниковъ по нашимъ изданіямъ, онъ былъ нашимъ товарищемъ, ближайшимъ пособникомъ въ нашихъ дѣлахъ, изъ которыхъ многими онъ завѣдывалъ и которыя принималъ столь близко къ сердцу что мысль о нихъ не покидала его до послѣднихъ минутъ, даже когда страданія лишили его всякой возможности ими заниматься: они были предметомъ его рѣчей даже въ минуты болѣзненнаго, предсмертнаго полусознанія. Мы потеряли въ немъ вѣрнаго друга, человѣка къ которому имѣли полное довѣріе, на котораго могли полагаться какъ на самихъ себя. (Моск. Вѣд.).

— *Аресты русскихъ въ Галиціи.*—Во Львовскомъ *Словѣ* читаемъ слѣдующія подробности о послѣднихъ арестахъ въ Галиціи: «Въ субботу 24 января во Львовѣ разнесся слухъ что во многихъ русскихъ домахъ производятся полицейскіе обыски и что многія лица арестованы. Вѣсть эта оправдалась. Послѣ весьма тщательныхъ обысковъ, при которыхъ конфискованы всѣ письма и бумаги подвергшихся обыску, арестованы слѣдующія лица:

1) Гофратъ Адольфъ Ивановичъ Добрянскій, проживающій во Львовѣ съ осени прошлаго года.

2) Венедиктъ М. Полощанскій, редакторъ-издатель *Слова.*

3) Дочь Добрянскаго Ольга Грабаръ.

4) Іосифъ А. Марковъ. редакторъ газеты *Проломъ.*

5) Студентъ Василій Лагола, кассиръ общества «Академическій Кружокъ».

6) Стефанъ Лабашъ, редакторъ сатирической газеты *Страхопудъ.* (Онъ вскорѣ выпущенъ на свободу.)

7) Иванъ Наумовичъ, священникъ Скалатскій.

8) Докторъ медицины Николай Наумовичъ (сынъ Ивана Наумовича).

9) Андрей Соя, пѣвчій изъ Скалата.

10) Алексѣй Залускій, мѣщанинъ.

11) Иванъ Глушка, староста въ селѣ Глиничкахъ.

12) Василій Зазуля.

13) Священникъ Николай М. Огоновскій, преподаватель Закона Божія въ Черновцахъ и редакторъ газеты *Родимый Листокъ.*

14) Исидоръ Трембицкій, народный учитель и редакторъ журнала *Пріятель Дѣтей.*

15) Аполлонъ Ничай, редакторъ газеты *Господарь и Промышленникъ.*

16) А. Н. Щорбань, редакторъ газеты *Новость.*

Всѣ арестованные находятся во Львовскомъ окружномъ судѣ. Противъ нихъ возбуждено уголовное преслѣдованіе. Видѣться арестованные могутъ только съ близкими родственниками въ присутствіи судейскихъ чиновниковъ.

По словамъ австрійскихъ газетъ, въ Галиціи произведены новые полицейскіе обыски на квартирахъ Русскихъ. О новыхъ арестахъ однако де ничего не слышно.

Въ послѣднихъ №№ «Слова» сообщаетъ о новыхъ арестахъ въ Гациціи. На двяхъ былъ арестованъ въ ризницѣ церкви Успенія во Львовѣ «пѣвецъ» этой церкви Гавріилъ Сприня, у котораго были отняты два, три частныя письма. Въ тотъ же день былъ произведенъ обыскъ у учителя нѣмецкой во Львовѣ гимназіи Евгенія Згарскаго, котораго также арестовали. Были

произведены, впрочемъ безуспѣшные, обыски и у другихъ лицъ.

Не только въ галиціи, но и въ Угорской Руси ищутъ «московскихъ» агентовъ. Въ Буковинѣ на дняхъ былъ арестованъ по обвиненію въ «московской» агитаціи православній священникъ въ Дарошавцахъ Евсевій Андрейчукъ.

Все дѣло объ арестованныхъ Русскихъ получило названіе «дѣло Ольги Грабаръ (дочери извѣстнаго русскаго дѣятеля, содержащагося теперь подъ арестомъ въ одной тюрьмѣ со своею дочерью, А. И. Добрянскаго) и соучастниковъ». *Слово* сообщаетъ объ настойчиво распространяемыхъ во Львовѣ слухахъ что всѣ арестованные Русскіе будутъ вскорѣ освобождены.

«Замѣчательно и даже отвратительно, говоритъ *Слово*, въ этомъ дѣлѣ (арестѣ Русскихъ) поведеніе почти всей галицко-польской печати. Вмѣсто того чтобы терпѣливо ожидать рѣшенія суда, какъ бы слѣдовало и какъ это дѣлаютъ всѣ серіозныя и честныя газеты, какъ это дѣлала всегда и наша (галицко-русская) печать, когда арестовали Поляковъ, польскія газеты всегда при арестѣ Русскихъ вопіютъ во все горло: *Распни ихъ, распни всѣхъ!* Извѣщенія объ арестѣ Русскихъ, дѣлаемыя польскими газетами, вообще, замѣчаетъ *Слово*, невѣрны, тенденціозны, преувеличены и дышатъ злобой».

ОПЕЧАТКИ.

Въ статьѣ «г. Острогъ» вкрались слѣдующія опечатки:

Страп.	строк.		Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
10	7	снизу	Розгольдовичи	Рогвольдовичи
—	7	—	Розвольда	Рогвольда
12	4	сверху	служитъ неопровер-женнымъ	служатъ неопровер-жимымъ
48	7	снизу	1550 г.	1500 г.
50	18	сверх.	обовязываетъ	обязываетъ
53	20	—	Полѣсья	Полѣсья)
54	2	—	дѣло.	дѣло,
56	16	—	бернердиновъ	бернардиновъ
74	20	—	мансіонерамъ	монсіонерамъ
76	13	снизу	напечатавъ	напечаталъ
77	11	сверх.	Star. Pol.	(Star. Pol.
78	16	снизу	княжны Ярошевской	княгини Ярославской
79	18	сверх.	(Галиціи)	(въ Галиціи)
80	8	—	Шолубиваго	Шолудиваго
81	2	—	Заславкаго,	Заславскаго,
83	1	снизу	Аксакъ	Аксикъ

№ 5-й Вол. Еп. вѣд сданъ на почту 13 Февраля 1882 г.

Редакторъ *П. Бѣляевъ.*

Дозволено цензурою. Кременецъ. 10 Февраля 1882 года.

Печатается въ Типографіи Почаевской Лавры.